

Цебрикова Мария Константиновна

Рассказы о погибших детях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М26

М26 **Мария Константиновна Ц.**
Рассказы о погибших детях / Цебрикова Мария Константиновна – М.: Книга по Требованию,
2024. – 81 с.

ISBN 978-5-521-29490-9

ISBN 978-5-521-29490-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ружности и никогда, чтобы найти себѣ жениха, не прибѣгала къ разнымъ ужимкамъ, уловкамъ и прикрашиваньямъ, такъ напоминающимъ выкрикиванья и зазыванья купца, чтобы сбыть съ рукъ не казистый и залежавшійся товаръ. Она маленькая и необыкновенно живая и проворная толстуха, съ яркимъ румянцемъ на крѣпкихъ щекахъ, на которыхъ уже проступаютъ малиновыя жилки, съ самымъ добродушно-озабоченнымъ выраженіемъ лица и съ большими, круглыми, темно-водянистыми глазами, готовыми ежесекундно подернуться слезой. И есть отчего Аннѣ Ильинишнѣ быть такъ озабоченной: она въ вѣчныхъ хлопотахъ, вѣчно спѣшитъ куда нибудь. Ей надо то въ больницу чернорабочихъ свезти сахару и чаю больному, да прискаты ему работу по выходѣ изъ больницы, то выхлопотать мѣсто оставленному за штатомъ чиновнику, съ помощью нѣсколькихъ связей, добытыхъ во время гувернантствованія, то достать работу умирающему съ голоду студенту или гувернантѣ, выгнанной за хорошенькое личико ревнивой супругой или заботливой маменькой, у которой были взрослые сыновья, то рублями и грошами набрать плату въ университетъ за юношу, пришедшаго пѣшкомъ въ Петербургъ учиться, съ твердой вѣрой въ свою голову и руки и тремя рублями въ карманѣ. У Анны Ильинишны вѣчно несчетное количество просьбъ ко всѣмъ, кого она ни встрѣтитъ, будь то десятилѣтній знакомый или человекъ, котораго она видитъ въ первый разъ въ жизни. Но я никогда не слыхала, чтобы она просила о чемъ-нибудь для себя. Она невозмутимо спокойно выслушиваетъ сегодня отказъ, а завтра явится къ вамъ опять съ тою-же или новой просьбой; запретя передъ ней одна дверь, она толкнется въ другую. «Десять разъ откажутъ, въ одиннадцатый посовѣстятся», говорила она, и таки добьется своего. Счастье, которое она испытываетъ въ эти минуты, ни мало не смущается мыслью, что просьбу ея исполнили для того только, чтобы отвязаться отъ нее, и она ни чуть не обижается прозваніемъ «Маремьяны-старицы, чужихъ бѣдъ печальницы», даннымъ ей нѣкоторыми свештическими барынями, утверждающими, что она такъ усердно печалится о чужихъ бѣдахъ, оттого что у ней нѣтъ своихъ собственныхъ заботъ и обязанностей. Но я сильно подозреваю, что такое прозваніе дано ей барынями въ отмѣтку за не совсѣмъ при-

ятное ощущение собственной бесполезности, которое вызывают чужие хорошие поступки въ людяхъ, не сдѣлавшихъ ничего порядочнаго въ жизни, и съ своей стороны смѣло поручусь чѣмъ хотите, что будь у Анны Ильинишны эти заботы и обязанности, поглощающія, по словамъ осуждавшихъ ее барынь, всю жизнь, и не смотря на такое поглощеніе, оставляющіе имъ три четверти сутокъ на театры, балы, визиты, карты и туалетъ,—она точно также отдавала бы на свое печалованье о чужихъ бѣдахъ все время, свободное отъ этихъ заботъ и обязанностей, какъ теперь отдаетъ ему всѣ свободные часы отъ своихъ занятій гувернанки. Анна Ильинишна, какъ и Антонъ Федоровичъ, съ которымъ она связана давнишней дружбой, постоянно безъ гроша. Деньги уходятъ изъ подъ ихъ пальцевъ, какъ вода. Анна Ильинишна была бы способна ходить въ лаптяхъ и носить тиковое платье, но обязанности ея требуютъ, чтобы она была прилично одѣта, и она, вздохнувъ о томъ, сколько теплыхъ фуфаячекъ вышло бы на эти деньги сироткамъ, спила себѣ черное, шелковое платье для праздниковъ и доставила Антону Федоровичу случай брюзжать на ея роскошь и раболѣпство передъ «хозяевами».

Споръ начался изъ за случай варварскаго обращенія съ дѣтьми, о которомъ Антонъ Федорычъ прочелъ въ газетѣ.

— Ухъ, что за варварство, не могу подуматъ! говорилъ онъ, комкая газету и сверкая глазами, такъ что глаза Анны Ильинишны, уставленные на него съ выраженіемъ полнѣйшаго сочувствія, заморгали и подернулись слезой.

И полился потокъ негодующихъ рѣчей. Антонъ Федорычъ припомнилъ всѣ подобныя безобразія, которыя ему случалось видѣть на своемъ вѣку, а въ томъ числѣ и дѣло Уманецъ.

— Нѣтъ, подумайте: морятъ дѣтей голодомъ, бьютъ, доводятъ до поджигательства, и общество не оплевало ихъ, не сжило ихъ со свѣта. Уманецъ не единственный случай. Подумайте какой огромный процентъ чаклыхъ, забытыхъ, никуда не годныхъ или озлобленныхъ до звѣрства дѣтей, дадутъ подобныя семьи. Подумайте, что эти чаклые, забытые, никуда не годные или озлобленные до звѣрства, дѣти сами будутъ отцами и матерями. Подумайте, какъ страшно растетъ зло, какъ оно отзовется!

— Но дѣло Уманецъ исключительный случай. Я, разумѣется, вмѣстѣ съ вами жалѣю, что они могли такъ дешево отдѣлаться за свое варварство, возражала Анна Ильиншна, какъ могла осторожниѣ, потому что Антонъ Федорычъ крѣпко не долюбливалъ возраженій,—и мнѣ кажется, что суровыя мѣры, въ этомъ случаѣ, на которыхъ вы настаиваете, удовлетворили бы чувству справедливости, оскорбленному легкимъ наказаніемъ за подобное безчеловѣчіе; но они не предупредятъ ихъ. Наконецъ, дѣти останутся въ рукахъ же родителей, озлобленныхъ вынесеннымъ за нихъ наказаніемъ. Нужно отнять дѣтей у такихъ родителей, вотъ о чемъ нужно позаботиться. А вы говорите, суровыя мѣры. Сколько я видѣла въ жизни, я убѣдилась, что страхъ наказанія не достаточно сильное средство, чтобы удержать людей отъ преступленій. Дѣло Уманецъ, повторяю, исключительный случай. Но есть другое зло, которое если такъ не бьетъ въ глаза, за то страшнѣе,—это низкій уровень общественной нравственности, невѣжество. Что вы подѣлаете противъ него? Тамъ пѣтъ такихъ вопіющихъ фактовъ, которые давали бы право отнять дѣтей. Во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, всегда будутъ тысячи сторонъ, которыя невозможно подвести ни подъ какіе пункты и которыя, слѣдовательно, будутъ постоянно ускользать отъ власти. Случается, что слово, невольно выпавшее въ минуту раздраженія, бываетъ каплею, переполнившей чашу, и толкаетъ человѣка въ пропасть... А губительное вліяніе ежедневныхъ мелкихъ непріятностей, порча слѣпой любви, невѣжества, пошлости, лжи! Какъ вы услѣдите за всѣмъ, какъ вы избавите дѣтей отъ всего этого! На одинъ случай въ родѣ Уманецъ, придется сотни тысячъ такихъ случаевъ. Я говорю по опыту: не одна сила погибла на моихъ глазахъ и единственное средство образ.....

— Ну да, да знаю, ворчливо перебилъ Антонъ Федорычъ, образованіе! Это ваша панацея ото-всѣхъ золъ, кто-жъ спорить противъ этого? Да только это-съ: улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а пока она пріѣдетъ, Уманцы успѣютъ натворить столько зла!.. Да-съ я не съ вѣтра болтаю, я знаю, что говорю, я видалъ на своемъ вѣку побольше вашего и примѣры мои будутъ почище вашихъ-съ.

— А почему вы знаете? обидчиво спросила Анна Ильинишна, и между приятелями завязался не шуточный споръ.

Анна Ильинишна, раскраснѣвшись, принялась доказывать, что Антонъ Федорычъ замѣняетъ существующее зло бѣльшимъ, проповѣдуя вторженіе въ частную жизнь, которая, не смотря на все, всегда останется внѣ контроля, и задорно спрашивала, какую гарантію онъ дастъ, что сами контролирующие будутъ людьми, способными исправить зло. Антонъ Федорычъ кричалъ, что надо вызвать руки семейному произволу и ограждать права слабыхъ, которымъ ничего не остается, кромѣ самоуправства.

Оба опирались на видѣнные и слышанные случаи, горячились до того, что перестали понимать другъ друга и послѣ многократныхъ повтореній: «я не дура, какой вы меня считаете», и «вотъ нашла дурака!» Они поставили меня судьей спора, въ которомъ обѣ стороны были правы, потому что шли къ той же цѣли разными дорогами. Я попросила рассказать мнѣ случаи, на которые они ссылались, и Антонъ Федорычъ, поломавшись немного, началъ свой рассказъ.

Вы знаете, какъ я послѣ нашей выпускной исторіи изъ инженеровъ попалъ въ гарнизонъ. Меня отправили прапорщиномъ въ Веденскъ—не то селеніе, не то дрянной городишко, состоящій при острогѣ почти у самой киргизской степи. Начальникъ гарнизонной команды былъ мой родной дядя, Семенъ Семенычъ Ширяевъ. Я никогда не видалъ дяди, слышалъ только, онъ былъ неумолимый педантъ по службѣ, и потому не замедлил явиться къ нему, въ полной парадной формѣ, въ первое же утро по пріѣздѣ.

Наканунѣ, услужливый половой въ харчевнѣ, гдѣ я остановился, пересказалъ мнѣ много подробностей о жизни и семьѣ моего дяди. Дядя занимался какими-то черными дѣлами и оттого прятался отъ людей: никто изъ веденцевъ не переступалъ ни разу порога его дома; никогда ни съ кѣмъ не говорилъ онъ ни слова, не показывался нигдѣ, кромѣ канцеляріи и лавокъ, гдѣ разъ въ мѣсяцъ покупалъ залежавшуюся и попорченную провизию. Дядя былъ страшнѣйшій скряга и морилъ голодомъ жену и сына, котораго искалечилъ въ припадкѣ бѣшенства. Сверхъ того, дядя былъ ревнивъ, какъ турокъ, приставилъ какого-то звѣря-татарина стеречь жену и запиралъ ее ото всѣхъ: ее ви-

дали только по воскресеньямъ въ церкви, гдѣ она становилась въ самый темный уголь и, закрывшись вуалю, горько плакала; да съ годъ уже она перестала показываться и въ церкви.

Извозчики были неизвѣстны въ Веденскѣ, и я пѣшкомъ, увязнувъ разъ десять по колѣни въ грязи и оставивъ въ жертву стаѣ голодныхъ собакъ два клочка своей шинели, дотащился черезъ всю главную улицу до огромнаго болотистаго пустыря, посившаго названіе площади, посреди котораго расплзалась зелёной плесенью лужа, а въ ней лежало довольно почтенное количество свиней, съ наслажденіемъ уткнувшихъ носы въ самую плесень. На углу площади стоялъ полусогнившій, покачнувшійся на бокъ домъ дяди, одинъ изъ лучшихъ веденскихъ домовъ, одноэтажный, въ семь оконъ, съ вышкой въ три окна. Нѣсколько желтобурыхъ полосъ на стѣнахъ, да обломки черепицы, валявшіяся въ грязи, напоминали, что этотъ домъ знавалъ на своемъ вѣку лучшія времена, когда окна его были свѣтлы и чисты, а не испещрены надставками и лоскутами бумаги, а стѣны не были почернѣвши и поросши мхомъ, но сверкали ярко-желтой краской на солнцѣ.

Я стучалъ съ добрую четверть часа въ калитку тяжелымъ, желѣзнымъ кольцомъ; мнѣ отвѣчало только злобное рычанье цѣпнаго пса. Наконецъ, когда я выбился изъ терпѣнья, мнѣ отворилъ калитку приземистый, широкоплечій татаринъ или калмыкъ съ лукавымъ и звѣрскимъ лицомъ. Не отвѣчая ни слова на мой вопросъ, дома ли баринъ, онъ дико, изъ подлобья, оглядывалъ меня съ головы до ногъ своими чѣрными, косыми глазами.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ наконецъ, держась за кольцо калитки и загораживая мнѣ дорогу.

— Скажи барину, что я пришелъ явиться по службѣ.

— Служба пошла канцелярія завтра утра, отрѣзалъ онъ и захлопнулъ калитку мнѣ подъ носомъ.

Мнѣ не хотѣлось совершать вторичное хожденіе по хлябямъ веденскимъ, и я опять принялся стучать, что было силъ.

— Скажи, что племянникъ хочетъ видѣть его, кричалъ я черезъ калитку.

Татаринъ опять отворилъ ее и, ставъ поперекъ дороги, снова долго рассматривалъ меня.

— Племянника! а! Откудава прислала? спросилъ онъ послѣ долгаго осмотра.

— Изъ Петербурга.

— Слыхала, и онъ, наконецъ, рѣшился впустить меня, и черезъ узкіе, темные сѣни, гдѣ каждая половица гнулась и скрипѣла, провелъ меня въ кабинетъ дяди.

То была просторная комната, которая показалась мнѣ свѣтлой послѣ сѣней, не смотря на копотъ, покрывавшую потолокъ и стѣны. Она была загромождена разными станками и моделями машинъ; въ одномъ углу стояла калильная печь, въ другомъ были свалены въ кучу куски желѣза, сломанныя колеса, равный хламъ; по стѣнамъ висѣли чертежи и рисунки всевозможныхъ машинъ; чертежи и рисунки валялись на стульяхъ, на столѣ и на полу. За столомъ у окна сидѣла молодая женщина, бѣдно, почти нищенски одѣтая, и, перегнувшись надъ тетрадью, переводила что-то изъ толстѣйшей книги, безпрестанно справляясь съ словаремъ. Она была такъ углублена въ свое занятіе, что не замѣтила какъ я вошелъ.

— Что угодно? отрывисто спросилъ меня мужчина лѣтъ сорока, въ засаленномъ пестрядинномъ халатѣ и кожанномъ передникѣ, обтачивавшій какой-то цилиндръ у станка. Зеленоватые глаза его, окинувъ меня угрюмымъ и подозрительнымъ взглядомъ, снова уткнулись въ работу.

Некрасивъ былъ мой дядюшка: багровое лицо его было изрѣзано шрамами; форменные, рыжіе бакенбарды оканчивались посреди щекъ и сходились съ ровно подстриженными рыжими же усами; рыжіе, какіе-то полосатые волосы, остриженные подъ гребенку, торчали щетиной надъ низкимъ, прямымъ лбомъ и только на вискахъ были по формѣ гладко примазаны, такъ что лицо его казалось еще отвратительнѣе въ этой рыжей рамкѣ.

Я отрекомендовался и подалъ ему письмо отъ матери.

— А какъ вы смѣете дѣлать частный визитъ, не явившись ко мнѣ какъ къ начальнику? спросилъ онъ самымъ начальническимъ тономъ, наступая на меня.

Я объяснилъ, что не зная о заведенномъ имъ порядкѣ принимать всѣхъ только въ канцеляріи, явился къ нему на домъ.

— А! и онъ, смягчившись, протянулъ руку за письмомъ.

— Напрасно это сестра безпокоилась писать, у меня служба

службой, а дружба—увидимъ. Куда-жъ вы? остановилъ онъ меня, видя, что я спѣшилъ ретироваться послѣ такого любезнаго приѣма. Оставайтесь ужъ, коли пришли. Садитесь, сегодня гость будете, а завтра явитесь въ полной формѣ въ канцелярію. Вотъ-съ, рекомендую, это-съ моя супруга, Евгенія Павловна. Что за фарсы, будто и не замѣчаете, съ ѣдкой усмѣшкой обратился онъ къ женѣ, видя, что она, заработавшись, не отвѣчала на мой поклонъ.

— Кланяться и вамъ, кажется, не запрещалъ никогда, или солдатская родня не стоитъ вашего поклона?

Она поднила голову и молча, машинально поклонилась. Я могъ только теперь разглядѣть ея лицо: она была бы очень хороша, если бы на немъ можно было подмѣтить малѣйшій признакъ мысли, жизни. Она дописала нѣсколько строкъ, такъ же машинально встала и подала тетрадь мужу, стоя передъ нимъ съ неподвижностью автомата, пока онъ пробѣгалъ написанное.

— Потрудитесь объяснить, что вы тутъ перевели. Я вѣдь-съ грубый, необразованный солдатъ, ни слова не пойму; а вы воспитанная, образованная женщина, вы должны знать, что пишете и умѣть объяснить мнѣ, явился онъ ея, и прочелъ вслухъ нѣсколько строкъ съ насмѣшливымъ вниманіемъ, стараясь вникнуть въ каждое слово.

Переводъ былъ буквально вѣренъ и для профана могъ имѣть хотя грамматическій смыслъ, но нелѣпость его бросалась въ глаза каждому, мало-мальски знающему толкъ въ механикѣ. Я замѣтилъ Ширяеву, что надо быть специалистомъ для подобныхъ переводовъ, посмотрѣлъ въ текстъ и перевелъ это мѣсто.

— Такъ, такъ, радостно отозвался Ширяевъ, а ты почему знаешь?

Я объяснилъ, что готовясь въ инженеры, занимался механикой. Ширяевъ обрадовался безъ памяти, засыпалъ меня вопросами и принялся показывать свои чертежи и машины. Онъ былъ страстный любитель механики—самоучка и теперь трудился надъ изобрѣтеніемъ какой-то машины съ особеннымъ двигателемъ. Я увидѣлъ двѣ-три машины, которыя онъ сдѣлалъ безъ всякой научной подготовки, руководясь единственно соображеніями своими, какимъ-то дряннымъ учебникомъ, да допотоп-

нымъ нѣмецкимъ изданіемъ, случайно отысканнымъ въ лавкѣ, изъ котораго переводила его жена. Сколько изумительныхъ способностей и геніальной смѣтливости потратилъ онъ безплодно на эти работы. Я зналъ нѣкоторые способы болѣе простые, легкіе, и очаровалъ дядю. Онъ сдѣлался необыкновенно любезенъ, спрашивалъ какъ я устроился и узнавъ, что я не нашелъ еще квартиру, предложилъ нанять у него двѣ комнаты на вышкѣ, и оставилъ обѣдать.

Къ обѣду вышла жена его, неся на рукахъ крошечнаго ребенка съ старчески-дряблымъ лицомъ, обтянутымъ желтою, сухою кожею; сѣрые мутные глаза его безсмысленно смотрѣли впередъ, огромная голова качалась на тонкой, сквозной шейкѣ; отвисшія, будто налитыя какой-то жидкостью, щеки хлябали съ каждымъ шагомъ несшей его матери; кривыя, жидкія ноги болтались. Онъ прижималъ къ груди, высохшими какъ спичка руками, какую-то книжку.

— Благодарю, что удостоили явиться наконецъ, обратился Ширяевъ къ женѣ. Чтожъ ты не знаешь какъ здороваются съ отцомъ? грубо окрикнулъ онъ сына и протянулъ руку.

Ребенокъ не понималъ движенія отца и съ взглядомъ, полнымъ ужаса, откинулся назадъ, и въ взглядѣ этомъ мнѣ стала ясна вся жизнь и несчастнаго ребенка, и матери его.

— Папа не сердится, поцалуй его руку, тихо сказала мать, глядя сына по головѣ.

Ребенокъ поднималъ голову съ груди матери и идиотски пугливо озираясь, поцаловалъ руку отца. Евгенія Павловна посадила сына на высокій стулъ и придвинула къ столу. Блестящій эфесъ моей сабли остановилъ вниманіе ребенка, онъ потянулся, выронилъ книгу изъ рукъ и дико закричалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Взбѣшенный Ширяевъ швырнулъ книгу ногой.

— Па-машу! мычалъ ребенокъ.

— Знаете-съ, что это за книга? это-съ Амилія Рассо, обратился ко мнѣ насмѣшливо Ширяевъ, умышленно коверкая заглавіе. Кто бы подумалъ, что супруга необразованнаго солдата занимается такимъ чтеніемъ; но сынъ Евгеніи Павловны долженъ быть геніемъ, онъ будетъ воспитываться по этимъ премудростямъ, и она сдѣлаетъ его геніемъ. За это я поручусь вамъ, а что человѣкомъ родить не сумѣла, такъ это такая

бездѣлица, что и говорить-то не стоитъ, добавилъ онъ съ ядовитой улыбкой.

Она все съ тою же неподвижностью автомата слушала убійственные слова мужа, и я не зналъ, что подумать: было ли то страшное спокойствіе безнадежности, которое наступитъ когда все, что есть жизненнаго въ человѣкѣ, перекипитъ и замретъ, или просто безчувственность идиотизма.

— Снизойдете ли вы до того, чтобъ приказать подать обѣдать, Евгенія Павловна? и Ширяевъ вынулъ часы и показалъ ей. Три минуты прошло. Благодаря вамъ, я тремя минутами позже примусь за работу. Палагея, супъ! крикнулъ онъ. Уродъ, закрой свою пасть, обратился онъ къ сыну, который, перепуганный его крикомъ, самъ собирался кричать, но голосъ его замеръ при словѣ отпа.

Евгенія Павловна подняла на сына свои глаза, и во взглядѣ этомъ было столько страданія и любви; видно было, что вся жизнь ея въ одномъ сынѣ.

Послѣ свѣрнѣйшаго обѣда, гдѣ каждый кусокъ былъ сосчитанъ, Ширяевъ ушелъ къ своимъ машинамъ, оставивъ меня вдвоемъ съ Евгеніей Павловной. Мы молча сидѣли около часа. Она держала сына на колѣняхъ и перебирала съ нимъ какія-то тряпки и щепочки—жалкія игрушки несчастнаго ребенка, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія. Я давно бы ушелъ, еслибъ не боялся, что ей за то достанется. Наконецъ она печально подняла голову и замѣтивъ, что я перелистываю Эмиля, покраснѣла слегка. По поводу Эмиля, я заговорилъ о книгахъ и предложилъ ей нѣсколько романистовъ и поэтовъ.

— Не надо, отвѣчала она коротко и снова занялась сыномъ. Всѣ они лгутъ! съ ненавистью вырвалось у ней невольно. Вотъ-что не лжетъ, прибавила она послѣ долгаго молчанія и указала на золотой крестикъ, высунувшійся изъ раскрытаго ворота рубашки сына, и снова вошла въ свое привычное безстрастіе. За дверью слышались шаги Ширяева.

Черезъ нѣсколько дней, проискавъ напрасно другой квартиры, я перебрался на вышку къ дядѣ. Кто-то постучался у моей двери, пока я разбиралъ свои вещи.

— Я-съ, Палагея, кухарка Евгеніи Павловны, говорила толстая бѣловолосая дѣвка, нерѣшительно просунувъ въ открытую

дверь свое широкое, красное и рябое лицо. Я пришла спросить васъ, баринъ, не прикажете ли протопить къ ночи? и она, боязливо оглянувшись, рѣшилась наконецъ войти въ комнату.

— Не надо, утрюмъ топлено.

— Да все-таки съ дороги не мѣшаетъ, настаивала она, фатера, ужаси, какая холодная, пазябнетесь ночью.

— Я люблю холодъ и рѣдко топлю.

— Охъ Господи! вскричала она съ неподдѣльнымъ огорченіемъ. А мы-то какъ радовались съ Евгеніей Павловной, что жилецъ будетъ на верху: теплѣе для Павлипъки будетъ. Онъ спитъ подъ самой подъ вашей комнатой, а тамъ сырость такая точно въ погребѣ; плесени это на палецъросло по стѣнамъ; ей Богу не вру, баринъ, сами увидите. Мы и думали вы станете топить, такъ все посуше будетъ у Павлинъки.

— Развѣ Семенъ Семенычъ не топить?

— Станетъ онъ топить, батюшка! Онъ не тоюмо, что дровъ—онъ куска хлѣба жалѣетъ для жены и сына, огрызнулась Палагея и, тотчасъ спокватясь, прибавила шопотомъ: скаредъ такой, что Боже упаси! Вы не повѣрите, таперича какъ барыня ходитъ! Хуже всякой нищей, ей Богу. Платье—тряпье одни, заплатата на заплатѣ; бѣлье все въ дыркахъ, штопаешь, штопаешь, а возлѣ врозь ползетъ, скоро все совсѣмъ развалится; крѣпкой пары чулокъ нѣтъ, и стирать не смѣи часто, баринъ счетомъ мыло отпускаетъ. Придешь это къ нему просить нитокъ на починку или грошъ на иголки, такъ ужъ крестись, крестись напередъ, а ужъ объ новомъ чемъ и не заякаться—ни копѣйки не дастъ, все въ свои проклятыя машины садить. И добро бы бѣдную какую бралъ, а то и домъ этотъ и деревню взялъ за барыней; а серебра тамъ, золотыхъ вещей, шубъ, бѣлья камчатнаго, платьевъ атласныхъ—чего-чего только за ней было! А теперь, подикось, поищи въ сундукахъ! Ничего таки этого не осталось, все пораспродалъ, и изъ дому того и гляди выгонить, заложенъ давно. Попробовала это разъ барыня уговаривать его: дитя у насъ есть малое, пожалѣй дитя свое. Куды, звѣремъ зарычалъ, чуть не убилъ ее. «Вы, бабье, дуры, говорить, вамъ не понять, что этимъ самымъ дѣломъ я себя увѣковѣчу, славу, говорить, себѣ безъ смерти достану; а въ этомъ уродѣ, что за прокъ?» Эю онъ про сына-то. Вишь,